

Сивер Александр Викторович

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии
Государственного морского университета
им. адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск)

ОБ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация:

Статья представляет собой опыт интерпретации генеалогической легендарной традиции Северо-Западного Кавказа с точки зрения этнической истории. Рассматриваются версии легенд о первопродке адыгских князей Инале и его потомстве, предпринимаются попытки ассоциировать данные легенд с событиями ранней этнической истории региона.

Ключевые слова:

Северный Кавказ, история адыгов, этногенез, этническая консолидация, генеалогия, легенды, Средневековье, князь Инал.

Siver Alexander Viktorovich

PhD in History, Assistant Professor,
History and Philosophy Subdepartment,
Admiral Ushakov State Maritime University
(Novorossiysk)

CONCERNING ETHNO-GENETIC INTERPRETATION OF GENEALOGICAL TRADITION

Summary:

The article presents an interpretation of the genealogical legend tradition in the North-Western Caucasus from the perspective of the ethnic history. The author studies some variants of the legends about the first ancestor of Adyge princes, Inal, and his posterity. The paper makes attempts to associate these legends with the early ethnic history of the region.

Keywords:

North Caucasus, history of Adyges, ethno-genesis, ethnic consolidation, genealogy, legends, Middle Ages, prince Inal.

Легендарная традиция, как известно, является вариантом бесписьменной фиксации основных событий в истории народа и передает скорее восприятие этих событий народной памятью, нежели их воспроизведение. С этой точки зрения интересны большинство этногенетических легенд, в том числе распространенных на Северо-Западном Кавказе, что представляют собой патрионимические родословные, то есть их сюжет заключается в генеалогии князей, предводителей или другого рода персонажей-эпонимов, имена которых становятся названиями племен.

Так, образ легендарного Инала – первопродка кабардинских князей – вызывает интерес не только с генеалогической, но и с этногенетической точки зрения. Настоящая работа представляет собой попытку на базе имеющихся вариантов известий об Инале реконструировать те реальные события, что легли в основу одной из наиболее грандиозных генеалогических традиций Северного Кавказа.

Интерес к этой теме существует столько же, сколько сама тема: то есть когда известие об Инале дошло до европейцев и стало предметом анализа ученых адыгов. Редко кто из них не пытался выяснить реальную подоплеку Иналовой легенды. Основные вариации на ее тему принадлежат, в частности, П.С. Палласу, Г.Ю. Клапроту, И.Ф. Бларамбергу, Хан-Гирею, Ш.Б. Ногмову, Д.С. Кодзокову, Л.Я. Люлье, а их интерпретации – Л.И. Лаврову, А.В. Гадло, Ж.В. Кагазеву, Ф.А. Озовой и другим.

Инал предстает идеальным правителем: он и устроитель, собиратель земли, прекративший распри между князьями; и мудрый дипломат, установивший мир между адыгами и абхазами; и удачливый полководец, неизменно побеждающий своих врагов; и справедливый законодатель – словом, обладает всеми качествами, какие только могут и должны быть присущи государю [1]. Почитание Инала при жизни как человека великого и практически святого продолжилось и после его смерти в форме поклонения (до последнего времени) мавзолею Инал-куба (*Инал къуба*) в верховьях реки Бзыбь и другим связанным с ним местам [2].

Статус адыгского князя (пши) был весьма высок, практически священен, что, вероятно, восходило к высокому личному статусу его предка – Инала, знаковой фигуры в легендарной, а возможно, и реальной истории адыгской общности. Ощущается, что это имя играет огромную роль как элемент самосознания адыгских «племен».

Между тем версии о происхождении самого Инала и генеалогии его потомков варьируются от легенды к легенде, подчас не только сильно отличаясь, но и прямо противореча друг другу. Но в любом случае вне зависимости от подробностей происхождения Инала выводится от арабов («аравийцев») [3], либо же Инал сам «был в Египте Султаном» [4]. Здесь принципиален сам момент «инородности» происхождения верховной власти, это выделяло княжеские и королев-

ские фамилии не только вместе с дворянами из общей массы населения, но и среди самого привилегированного сословия. Особняком ото всех остальных стоит пересказ Л.Я. Люлье, согласно которому предки Инала, хоть и «аравийские выходцы», не были мусульманами и даже сопротивлялись обращению в ислам [5]. А между тем арабский мотив воспринимается как привнесённый именно исламом; версия же Л.Я. Люлье может содержать воспоминание о каком-то другом, быть может, о домусульманском варианте легенды.

Отдельный интерес представляет цикл кабардинских легенд о первом кабардинском феодале Кабарде Тамбиеве [6], вассале Инала. Кабарда в этой легенде – тоже пришелец, но не из далекой Аравии или Египта, а из родственного племени. О происхождении Инала не говорится ничего, но, судя по всему, он изначально отнесен к знатным адыгам.

Таким образом, арабский мотив призван освятить власть династии Инала почти божественным с точки зрения мусульман происхождением. Египетская линия тоже объяснима (имея в виду существование Мамлюкского султаната); словосочетание «султан Египта» само по себе должно было внушать почтение и к самому носителю титула, и к его родственникам и потомкам. Что касается участия в судьбе рода Иналае «кесаря» Византийской империи, то здесь видится параллельная арабской линии попытка утверждения священства княжеской власти через «мандат» византийского императора; возникновение этого мотива должно быть отнесено к домусульманскому, христианскому периоду в истории адыгов. Наконец, крымский сюжет вполне может оказаться реальным: о пребывании неких предков современных кабардинцев в Крыму могут свидетельствовать данные крымской топонимики и археологии.

Еще более вариативна генеалогия потомков Инала, хотя, по сути, главная мысль остается все той же: чем отдаленнее в этноисторическом плане оказываются «племена», тем в более дальнем родстве находятся их первые князья. Таким образом, эта генеалогия отражает не столько поколенную память княжеских кланов, сколько представления о структуре адыгских этнополитических подразделений и их иерархии [7]. Любопытна версия К.Ф. Сталя, по которой Инал выступает отцом братьев-эпонимов, давших свое имя подвластным им племенам [8]. Патронимический характер версии не является уникальным и должен обладать представлением об этнической группе как изначально группе родственной.

У легендарного Инала много разных имен и прозвищ (Акабгу, Неф и другие), но самое и интересное из них – *Кес*. В этом имени явно слышится намек на этнонимы «касог» и «черкес» (корень *кас/кес*), что превращает его носителя в эпонима, причем всего адыгского массива; имя это легенда может присвоить и одному из предков Инала [9]. Совершенно не исключено, что все эти имена и прозвища в разное время носили разные князья и вожди, чьи образы в народной памяти слились в один.

Время жизни Инала, судя по всему, очень важно для исторической памяти адыгов, ибо это время их консолидации («прекращения распрей»), образования общеадыгского объединения (вариант – кабардинской державы). Определив, когда жил настоящий Инал, можно частично понять, что и как привело к возникновению на историческом пространстве адыгского суперэтноса. Но после анализа многочисленных версий напрашивается вывод, что время жизни Инала однозначно определить невозможно. Объяснением этому может служить предположение, что у великого Инала из легенды было несколько реальных прототипов, скорее всего, живших в разное историческое время.

Принятие образа Инала как собирательного позволяет полнее использовать легендарный материал и попытаться реконструировать не столько личность исторического Инала, сколько события его эпохи, сделавшие это имя легендарным. События, ставшие первоосновой легенды, действительно следует датировать периодом раннего Средневековья. При этом мы будем иметь в виду, что под именем Инала могут «скрываться» несколько вождей одного правящего дома. Главной заслугой Инала является «прекращение распрей», то есть объединение адыгов. Период консолидации протоадыгских племенных союзов в единую адыгскую общность – вот что могло оставить в народной памяти столь неизгладимый след. Свидетельство тому – имя *Кес*, принадлежащее предку Инала или же ему самому. В раннем Средневековье на территории будущей Черкесии существовали два этноплеменных конгломерата: зихи, известные в источниках с рубежа нашей эры и к началу II в. распространившие свой этноним на все Черноморское побережье от Цемесской бухты до реки Шахе [10], и касоги, вероятно, выступившие на историческую сцену в VII в. как племенной союз Среднего и Нижнего Прикубанья [11]. Интеграционные процессы между ними и привели к образованию державы Инала, а корень *кес* из этнонима касогов стал основой общего экзотэнонима черкесов.

Не только не исключено, но даже наиболее вероятно, что заслуги, приписанные легендой одному человеку, на самом деле принадлежат нескольким сменявшим друг друга более или менее удачливым вождям. Общим результатом их деятельности стало появление политического

образования, в рамках которого и сформировался будущий адыгский суперэтнос. И деятельность эта протекала на протяжении второй половины – конца I тысячелетия. Несомненно, основу «коллективного Инала» составил образ реального лидера (как бы его ни звали) с яркими харизматическими характеристиками и выдающимися организаторскими способностями, вокруг которого впоследствии и была сформирована история об идеальном правителе.

Разделяясь или ссорясь, потомки легендарного Инала непременно «уводят» куда-нибудь своих подданных, основывая на новом месте новые «племена», названные по имени своих князей. Таким образом, распад общности подданных Инала на общины, подвластные разным его потомкам, напоминает процесс распада «большой» патриархальной семьи: выходя из отцовского дома, выросшие сыновья образуют собственные семьи и роды в своих новых домах. Именно как распад большой семьи, и возможно не только княжеской в прямом смысле, но и «семьи народов» в переносном, историческая память адыгов могла зафиксировать разделение некогда единого целого – «державы Инала».

Этот процесс облегчала незавершенность общеадыгской интеграции, ведь формирование «раннесредневековой народности» только началось. Раздел должен был произойти и, скорее своего, произошел по границам «субъектов» конфедерации, в результате Константин Багрянородный зафиксировал на территории Черкесии три образования: прибрежную Зихию и «материковые» Папагию и Касахию [12]. Процесс консолидации адыгов действительно выглядит «прерывисто», но надо понимать, что интеграционные тенденции в эти «перерывы» не исчезали, просто опускались на более низкий уровень – чем прочнее были связи между локальными группами, тем больше друг от друга отделялись местные «племена» (и наоборот).

С этой точки зрения верхним хронологическим рубежом интересующего нас периода должен быть признан X в., когда арабский путешественник Ал-Масуди сообщает, что, с одной стороны, касоги-черкесы (именно он уравнивает эти термины), живут «между горой Кабх и Румским морем», то есть их ареал охватывает не только Касахию, но и Зихию Константина Багрянородного; с другой же стороны – они «не могут объединиться под властью одного царя» [13], то есть центробежные тенденции предыдущего времени уже побеждены центробежными.

Параллельно продолжается проникновение адыгов на Центральный Кавказ. После падения аланской гегемонии адыги (в частности кабардинцы) действительно заняли место алан, но не столько в географическом, сколько в политико- и культурно-историческом смысле. При всем при том осознание былого единства самими адыгами, а также их соседями центробежные процессы не смогли аннулировать. Общее самоназвание «адыгэ» сохраняется до сих пор, заменяя собой «племенные» субэтнонимы. Унифицировался и экзоэтноним: «касоги» (северные соседи), «черкесы» (восточные), «зихи» (европейцы).

Реакцией адыгских княжеств на противоречивые события XIV в. могло быть только укрепление собственной государственности; признаком же государственной силы, если не достаточным, то необходимым, в то время была сильная власть монарха, подкрепленная наследственной традицией. Ничто не противоречит предположению, что такая власть, хоть и временно, была установлена, и среди тех, кто сделал это, был «Инал/Акабгу» из русской родословной росписи XVII в. [14]. Но династическая власть продержалась в Кабарде недолго, можно предположить – до его смерти. Каждый князь чувствовал себя наследником династии обоих Иналов, которых впредь легенда будет принимать за одного. Разумеется, были и те, кто пытался этому противостоять. Среди них были и потомки Идара Инармасова, в частности Темрюк Идаров, пусть и на время и только в рамках Малой Кабарды сумевший установить относительное государственное единство. Вероятнее всего, версия о «султানে Египта Инале» возникла в ходе контактов Идаровых – князей Черкасских – с русскими царями. Брак Гошеней-Марии с Иваном IV Грозным Темрюк, скорее всего, планировал как династический и, чтобы уравнивать Иналовых-Идаровых с царственными московскими Рюриковичами, «назначил» своего первопродка могущественным монархом.

О чем повествует Иналова легенда во всех ее вариациях? Об эпохе консолидации адыгов (политической, культурной, этнической), появления на просторах Северного Кавказа уникального суперэтноса. Этот длительный процесс растянулся на несколько столетий раннего Средневековья и был смикширован локальной интеграцией последующего времени. Но главный его результат – единое самосознание адыгов, одним из выражений которого в Средние века и стала легенда об идеальном князе-первопродке – ведет свою историю до сего дня.

Ссылки:

1. Ногмов Ш.Б. История Адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 95.
2. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007. С. 35.
3. Ногмов Ш.Б. Указ. соч. С. 93–96.
4. История родов российского дворянства : в 2 кн. Репр. изд. М., 1991. Кн. 1. С. 411.

5. Люлье Л.Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927. С. 12.
6. Кабардинский фольклор. Изд. 2-е, доп. Нальчик, 2000. С. 157–161.
7. Паллас П.С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 217.
8. Сталь К.Ф. Этнографический очерк Черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. От. II. С. 66–67.
9. Кодзоков Д.С. Пояснительная записка о личных правах туземного населения Кубанской области // Гос. арх. Краснодар. края. Ф. 348. Оп. 1. Д. 9. Л. 13.
10. Арриан. Перипл Понта Евксинского / пер. А. Фабра. Одесса, 1836. С. 27–30.
11. Джавахишвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Описание Осетии, Дзурдзукии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии. О царях Хазаретии. Алгузиани // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 15–16.
12. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 175.
13. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 236.
14. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. : док-ты и материалы в 2 т. Нальчик, 2006. Т. 1. XVI–XVII вв. С. 605, 509.

References:

1. Nogmov, SB 1994, *History Adyheyskogo people*, Nalchik, p. 95.
2. *The history of the centuries-old community. By the 450th anniversary of the union and the unity of the peoples of the Kabardino-Balkaria and Russia* 2007, Nalchik, p. 35.
3. Nogmov, SB 1994, *History Adyheyskogo people*, Nalchik, p. 95.
4. *History of the Russian nobility of labor* 1991, in 2 books, Moscow, book. 1, p. 411.
5. L'Huillier, LY 1927, *Cherkessia. Historical and ethnographic film*, Krasnodar, p. 12.
6. *Kabardian folklore* 2000, 2nd, ext., Nalchik, pp. 157-161.
7. Pallas, PS 1974, 'Notes on travel to the southern region of the Russian state', *Circassians, Balkars and Karachai in news of European authors XIII-XIX centuries*, Nalchik, p. 217.
8. Stal, KF 1900, 'Ethnographic study of the Circassian people', *Caucasian compilation*, Tiflis, vol. 21, II. pp. 66-67.
9. Kodzokov, DS 2013, 'Explanatory note on the personal rights of the indigenous population of the Kuban region', *State architect. Krasnodar. edge*, f. 348, inv. 1, d. 9, l. 13.
10. *Arrian. Periplus Pontus Euxine* 1836, Odessa, pp. 27-30.
11. Djavakhishvili, M 1897, 'Proceedings of the Georgian chronicles and historians of the North Caucasus and Russia. Description Ossetia Dzurdzukii, Didoetii, Tusheti, Alanya and Djigets. About kings Hazaretii. Alguziani', *Proc. materials to describe places and tribes of the Caucasus*, Tiflis, issue. 22, pp. 15-16.
12. *Constantine Bagryanorodny. On the control of the empire* 1991, Moscow, pp. 175.
13. Minorsky, VF 1963, *History of Shirvan and Derbent*, Moscow, p. 236.
14. *Kabardino-Russian relations in the sixteenth and eighteenth centuries* 2006, docs and materials in 2 vol., Nalchik, vol. 1, XVI–XVII., pp. 605, 509.